

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

НАДЛОМ СОЗНАНИЯ

В конце 2014 года в Санкт-Петербургском издательстве “Нестор-История” тиражом 1000 экземпляров вышла книга белорусского писателя Василя Яковенко “Надлом. Кручина вековая”. Автор обозначил жанр своего произведения как белорусский эпос. С этого определения, пожалуй, лучше всего начать рассматривать эту книгу, объём которой чуть более семисот страниц.

Что же такое “эпос”? Интернет-энциклопедия “Википедия”, например, даёт следующее толкование: “Героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей”. Причём многие словари, поясняя слово “эпос”, говорят об отстранённости автора произведения от описываемых событий, то есть его непредвзятости в повествовании. Но можно ли вообще писать о важных для твоего народа, частицей которого ты являешься, событиях, не проявляя при этом своих собственных чувств, своего осознания происходящего? Думаю, что нет.

Вот и в книге, которая, казалось бы, разворачивает перед нами историческую летопись Белоруссии, включая революцию, первую и вторую мировые войны, советский период и перестройку, штормовыми волнами прокатившимися через этот Полесский край, на каждой её странице явственно просматривается позиция автора повествования, его боль за свой белорусский народ, за его бесконечно тяжёлую, как ему кажется, при всяких властях судьбу. А Белоруссия была под властью и Литвы, и Польши, и Германии, была частью царской и советской России. Правда, каждая власть приносила свои нюансы в страдания и чаяния народа, в его борьбу за собственную независимость, чему и посвящена книга. Именно эти нюансы в интерпретации автора и являются предметом нашего внимания.

Книга начинается с пейзажной зарисовки, каковыми удачно сопровождаются многие главы романа. В данном случае это лишь небольшой пролог, в котором писатель идёт по столичному бульвару в компании двух своих приятелей — поэта Лявона и геолога Максима. Разговор, конечно же, пошёл о Белоруссии, о том, что и над ней, как и над другими государствами, висит угроза глобализации с её мультимиллиардерами и транснациональными корпорациями, угнетающими народы. Писатель Василий Яковенко вставил свои “три гроша” в разговор, сказав, что *“от порочной глобализации есть, пожалуй, одно спасение — сплочённый народ, его бессмертное духовное наследие!”* А дальше писатель приводит мысль, якобы высказанную геологом Максимом, которая впоследствии развивается в основной части книги. Вот как это описано: *“У меня есть книга Гумилёва. — Максим замедлил шаг, разглядывая*

яркий, дивно сотканный из опавшей листвы ковёр. — Гумилёв пишет о древних племенах, но не обделяет вниманием и нас. В белорусах* он видит исконное древнерусское, стоит только подчеркнуть — не российское, а наше славянское племя, которое мало, изменившись, вступило в XX столетие. Его не затронули, по крайней мере, не изнасиловали и не выкрестили ни татаро-аккерманские орды с юга, ни немецкие рыцари, которым дали запоминающийся урок при Грюнвальде. Я думаю, уместно было бы сказать, что и поляки его не растворили.

— Да-да, как и москвиты тоже! — живо поддержал разговор Лявон” (с. 9).

Главное то, что уже в самом начале обнаруживается националистическое стремление автора отторгнуть Белоруссию от России, основываясь на будто бы исторических фактах.

В первой книге трилогии, названной “Кабала”, один из главных героев романа Борис Романович спрашивает просвещённого, образованного, в отличие от него, пана Романа Скимунта, откуда взялись белорусы, и тот ему отвечает с улыбкой, как будто читает лекцию: “Какой ты любопытный... Если бы я был попом или раввином, ответил бы: “От Бога пошли!” Жиды так и отвечают: дескать, они от Бога... Вопрос непростой. Слово “русь” вообще-то древнескандинавского происхождения. Во времена викингов “русть або рость” значило: гребец, путешественник, член морской дружины. Когда же наименование пускается в странствие, оно нередко утрачивает тот или иной звук, букву. Так и “русть” утратила “т” и превратилась в “русь”. Тем временем колонии североевропейских гребцов основались в Дании и на острове Рюген, где в основном жили славяне. Датчане стали звать этот остров Русинном. В самой Дании владычила Русь. Такая версия, в которую хочешь — верь, хочешь — не верь, но и более безупречной я пока что не знаю” (с. 35).

А зря персонаж книги так говорит, проявляя свои недостаточные знания по этому вопросу. Ведь, например, в толково-фразеологическом словаре Михельсона, учёного XIX века, посвятившего 20 лет изучению русской фразеологии, термину “Белоруссия” даётся такое пояснение: “Известно, что наименование России “Белою” весьма древнее. Существовало мнение, что восточные народы прозвали Россию “Белою” (Ак-Урус), а русских государей — “белый царь” (Ак-Падишах), потому что в России в XIV и XV в. в великокняжеском обиходе белое платье было в великом почтении; даже в позднейшее время белый цвет преобладал на московских стенах (Белый город), а царские грамоты мусульманским владетелям посылались за белою печатью. Карамзин положительно утверждает, что в. кн. Иоанн III назвал свои владения “Россиею Белою”, т. е. великою или древнею, по смыслу этого слова в языках восточных. Впоследствии название “Белой России” удержалось только за частью русских областей на западе (в том числе за Смоленском), а ныне под именем Белоруссии подразумеваются только губернии Могилёвская и Витебская”.

Но не будем включаться в научную дискуссию о том, что, к примеру, в прошлые века вся Русь делилась по цветовому признаку на Красную Русь, Чёрную Русь и Белую Русь. Каждый волен придерживаться своих взглядов. Мы же хотим обратить внимание читателя на то, почему возникает то или иное мнение. Стремление писателя, прожившего в Белоруссии большую часть своей жизни в советское время и, смею думать, не помышлявшего и не писавшего тогда о том, что белорусы не имеют общих корней с русскими, его стремление к такому разделению сегодня объясняется постперестроечными веяниями в политике, которые вызвали официальное переименование в 1991 году Белоруссии в Беларусь, а у некоторых людей в целом изменило отношение к советской власти и к России вообще.

На 23-й странице первой книги мы читаем о главном герое Петре Писарчуке (Романовиче), только что вернувшемся в свой родной Мотоль из России: “Честно говоря, поначалу он, образованный человек, просто не доверял идее жадного коммунистического управления жизнью и, игнорируя новый строй, даже не отличал партийные комитеты, созданные большевиками, от Советов: ему казалось, что это — две стороны одной медали, попросту сплав мерзости с дикостью. И его мнение имело достаточно к тому оснований”.

* В книге, согласно произношению белорусов, в прямой речи персонажей слова “беларус”, “беларусский” пишутся через “а”.

Вот так, походя, “мерзостью” и “дикостью” называется советская власть. Власть, о которой белорусский же поэт Янка Купала писал проникновенные строки во вступлении к поэме “Над рекой Орессой”:

*Много есть на свете
И легенд, и песен,
Что сложили люди
Про свое Полесье.
Но не знал я песни
Про большое дело:
Как сюда явились
Коммунары смело;
Как они работой
Топи покоряли,
Для страны советской
Славу добывали.
Но не знал я песни
О сраженьях жарких:
Как со всеми вместе
Вышли коммунары;
Как они в работе
Завели обычай
Не жалеть ни силы,
Ни красы девичьей.
Но не знал я песен,
Не слышал я что-то
О героях славных,
Взявших в плен болото;
Как через преграды
В глухомани дикой
Шли они к победе,
К радости великой.
Но не знал, не знал я
Новых звонких песен,
Что поёт сегодня
Новое Полесье.*

Вот о чём новые песни пелись белорусским народом.

Зато героем в книге Яковенко описывается не кто иной, как хорошо известный своими зверствами батька Махно.

По словам священника Разделовского, с которым доверительно беседует Писарчук, “Нестор Махно был наделён выдающимися качествами атамана, воина и имел острое политическое чутье. Он сразу уловил кощунство, обман, фальшь в образе мыслей и деяниях большевиков. Поэтому, враждуя с немцами, петлюровцами, наконец – с Врангелем, Махно считал большевиков сущими вредителями рабоче-крестьянской революции. Именно поэтому он всячески огораживал освобождённые им территории от красных, от их глазастых посланцев – комиссаров, чекистов, – как и от грабительских продотрядов” (с. 24).

Приводя Писарчука в ужас от услышанного, священник говорит о Троцком, которому приписывается убийство Столыпина, царской семьи и даже покушение на Ленина. Впрочем, о Ленине и большевиках батюшка высказывается ещё хлеще: “Мало того, что большинство соратников Ленина были евреи и сам он с ними – родня-полукровка. После октябрьского переворота интернационалист Владимир Ильич объединил под крышей Коммунистической партии (большевиков) заведомо националистические еврейские организации; в 1921 году, например, он втянул туда Еврейский союз (Бунд), против чего раньше решительно выступал Плеханов, а в 1922 году – не менее многогранный Поалей-Цион. Сионизм и большевизм с тех дат ещё больше переплелись, и в революционной борьбе за власть верх брала уже не столько социал-демократия, сколько верх брал социал-сионизм” (с. 27).

Таково отношение к вождю пролетариата, памятники которому установлены на всех континентах земного шара, о котором российский поэт из народа

Сергей Есенин писал в поэме “Гуляй-поле” сразу после смерти вождя, не будучи им обласканным:

*Суровый гений! Он меня
Влечёт не по своей фигуре.
Он не садился на коня
И не летел навстречу буре.
Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.*

.....
*Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...*

*Шумы и вей!
Крути свирепей, непогода.
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.*

Почти то же самое, только прозой высказал о нём великий русский писатель Максим Горький:

“Даже некоторые из стана врагов его честно признают: в лице Ленина мир потерял человека, “который среди всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность”.

Лично для меня Ленин не только изумительно совершенное воплощение воли, устремленной к цели, которую до него никто из людей не решался практически поставить перед собою, — он для меня один из тех праведников, один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Пётр Великий, Михаил Ломоносов, Лев Толстой и прочие этого ряда. Я думаю, что такие люди возможны только в России, история и быт которой всегда напоминают мне Содом и Гоморру.

... Героизм его почти совершенно лишён внешнего блеска, его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, искренне верующего в возможность на земле справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжёлой работы для счастья людей”.

Джавахарлал Неру, будучи премьер-министром Индии, говорил:

“Прошло немного лет после его смерти, а Ленин уже стал неотъемлемой частью не только его родной России, но и всего мира. И по мере того, как идёт время, величие его растёт, он теперь один из тех немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна... Ленин продолжает жить, причём не в памятниках и портретах, а в своих колоссальных свершениях и в сердцах сотен миллионов рабочих, которых вдохновляет его пример, вселяя надежду на лучшее будущее”.

Только в наше перестроечное время некоторые идеологи, которые стремятся, как в США, так и в сегодняшней Украине, пересмотреть, перекроить историю на свой лад, могут рассказывать такие басни, которыми полна книга Яковенко. Но, может быть, он поместил здесь мнение лишь представителя духовного сана? Отнюдь. Мы присутствуем при беседе помещика Скирмунта с Борисом Романовичем, в которой пан разъясняет холопу: “Если на то, молодой человек, я должен тебе разъяснить, шо на момент октябрьского переворота на Беларуси жили в основном крестьяне и никаких коммунистов не было, более того, среди горожан преобладали не люмпены и опять же не белорусы, а те, кто сюда в поисках хлеба и чинов приволокся из России, много евреев. Город игнорировал наши национальные заботы. О национальном обычно заботится коренное население либо его интеллигенция, состоявшаяся, образованная, обогащённая знаниями мировой культуры” (с. 33).

Но дело в том, что собеседник пана оказался коммунистом. Об этом пан узнаёт неожиданно и тут же высказывается по этому поводу: “Поздравляю!

Не ожидал, однако, шо и ты с ними. Э-эй... Коммунизм – не шо иное, как психическая мистерия. Она заполонила Россию, и не только Россию. Большевики натравили рабочий класс на буржуев, а потом и на политическую оппозицию – так называемых белых. Войну против извечного образа жизни и духа народа назвали революцией (с. 34).

Коммунист Борис Романчук не находит, что сказать в ответ пану, кроме как поблагодарить его за науку. И это не удивительно, ибо автор романа не видит убеждённых большевиков. Коммунисты в его изображении либо перевёртыши, либо бандиты, грабящие и убивающие своих соплеменников. Борису попадается в руки книжица, в которой писалось: “В давно минувшие времена жестоких войн, когда одно из диких племён побеждало другое, более слабое племя, то победители на поле битвы праздновали свою победу: всем пленным связывали верёвками руки и ноги, раскладывали их по земле и клали на них доски, покрывали те доски ковриками, а потом садились сами, распевали песни, пили хмельной напиток и, напившись допьяна, танцевали на этих досках. Стоны и крики обездоленных пленных, лежавших под досками, ещё больше веселили подгулявших победителей и заглушались музыкой, смехом, пьяными оргиями...”

Казалось бы, мало ли что где пишут, но за цитатой из книги следует: “И дальше не известный Борису автор перебрасывал мостик от давних племён в ближайшие года и современность, когда уже целые народы, считавшие себя культурными, побеждали в войне более слабых и праздновали победу, почти как те дикари, только вместо досок они накладывали на захваченный народ и его землю другой пресс – свои государственные учреждения, свою имперскую идеологию (так в книге с буквой “а” вместо “о”. – Прим. авт.), язык и религию. Так поступала Россия в отношении Польши, Украины и Беларуси” (с. 42).

Зверской, подобной диким племенам, представляется автору Россия. А вот какими словами начинает своё стихотворение “Чувство семьи единой” в 1936 году знаменитый украинский поэт Павло Тычина:

*Я сторонюсь чужих и чуждых
болот, трясин и мелких бродов.
Сияет радугою дружбы
мне единение народов.*

И завершает стихи такими строками:

*И вносишь ты чужое слово
в язык прекрасный и богатый.
А это входит всё в основу
победы пролетариата.*

Украинский поэт видит в России единение народов и посвящает ему поэтические строки. В то же время русский поэт Валерий Брюсов в недалёком послереволюционном 1920 году писал о России:

*И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.*

Не видеть великую роль революционной России в осуществлении чаяний всех народов мира могут лишь ослеплённые злобой к коммунизму люди, лишь те, для кого своя кубышка дороже всего на свете.

На следующих страницах романа Яковенко уточняет отношение России к Белоруссии после прихода советской власти. Вот как мыслит его герой – Петр Романович: “По всему пространству бывшей Российской империи, где спела нива, теперь суетились люди с пушками, одержимые некими дикарскими помышлениями; они вытаскивали крепких, зажиточных крестьян из их усадеб, ну, точно, как сусликов из нор в степях, лишали свободы, наполняли ими местные темницы, вывозили в составах на восток, на север. В результате

на освещённом луной горизонте, особенно по его окраинам, появилось бесчётное множество площадок, казённых домов, бараков за колючей проволокой. И там вырванных из человеческого быта селян да прочих истерзанных вконец граждан страны больше не считали людьми, а людьми оставались лишь те, кто чинил притеснения, насилие, издевательства. Всех, кто ещё трудился на земле, также группировали в своеобразные трудовые лагеря, общины, кооперативы и ежедневно указывали им, что делать, о чём думать, на кого молиться. В отличие от первых, более строгих лагерей, эти уже не огораживались проволокой и назывались иначе — колхозами. И вот, благодаря всяким коммуноподобным загонам, страна окончательно стала сетью широких “исправительно-трудовых” дворов, лагерей, где продолжалось то же насилие над духом. Крестьянин терял землю, а земля — крестьянина, крепкого хозяина, своего радетеля. И дальше — больше: почва дичала, покрывалась бурьяном, земля превращалась в пустошь.

Вот на такой выморочной ниве и должен был расцвести новый, удивительный, не тут будь сказано, дьявольский строй в государстве. Только же название придумали как будто приличное: социализм!” (с. 175).

А вот что пишет об этом “дьявольском строе” всем известный народный белорусский поэт, академик Петрусь Бровка в стихотворении “Декрет Ленина”:

*Тот день сквозь годы людям светит.
Все в нашей волости глухой —
И деды, и отцы, и дети —
На сход пришли одной семьёй.*

*Здесь едкий дух махры и пота
Висел под низким потолком,
Матрос, приехавший с Балтфлота,
В чаду маячил за столом.*

.....
*И каждый спрашивал с волнением:
— Скажи нам, добрый человек,
А кто такой товарищ Ленин?
— Тот, кто вам землю дал навек.*

Белорусские писатели и поэты прославляли в своих произведениях Лени-на и советскую власть, даровавшую белорусам землю для всех, предоставив-шую людям независимость в ряду других независимых республик, введшую в школах преподавание на белорусском языке. А по поводу потери крестья-нином земли, о которой печётся Яковенко устами Петра Романовича, Петрусь Бровка писал совсем иначе в стихотворении “Земля”:

*Но пришёл наш черёд,
Расквитались мы с ней,
Мы прогнали царя,
И жандармов, и пристава,
Чтобы ты нам,
Земля,
Расцвела покрасней,
Чтоб хватало для всех
Хлеба чистого.*

*А теперь мы избавим тебя
От невзгод,
С новым плугом идём,
Кормим калием,
Чтоб дарила ты нас
Каждый год,
Каждый год
Не одним,
А тремя урожаями.*

Эти стихи были написаны в 1931 году, то есть в то время, о котором идёт речь в книге. Но у Яковенко ничего этого нет. Главный персонаж книги Пётр Романчук, жизнь которого впоследствии обрывается расстрелом, осуществлённым под покровом ночи, представляет партизан не иначе, как убийц и грабителей. Один из них – молодой амбициозный коммунист Даник Плюнгер, от которого даже его собственный отец отрёкся как от “красного антихриста”. “Принципиальность и жестокость создали в его душе как бы два рельса, по которым двигался паровичок мести. До поры до времени, однако, этот локомотив никак не мог набрать надлежащий разгон. Стоило только пошатнуться и отступить польскому ненавистному режиму при приближении Красной армии, как Даник с шайкой бросился создавать в Мотоле и ближайшей округе особый классовый климат – освобождать от панов и разных, на их взгляд, нежелательных элементов” (с. 179).

Экспроприируя имение Скирмунтов, Даник, стыдясь, чтобы не увидели, забирает себе, пряча в мешок, чайный сервиз на двенадцать персон, изготовленный из чистого золота. Позже, в период немецкой оккупации он становится командиром партизанского отряда, регулярно совершая с ним ночные вылазки на сёла, требуя от жителей пищу и одежду. А несогласных партизаны попросту убивали.

Пётр Романович в беседе со священником с горечью упоминает Плюнгера: “Отче! Даник Плюнгер, как, впрочем, и другие бесы, сформировались и показали своё лицо чрез коммунистические идеи. Разве нет? Убивай, грабь, насилуй!.. “Кто был ничем, тот станет всем!” Хозяев от земли – прочь, границы между державами – прочь! Пролетарии обретут весь мир!” А кто ими будет управлять?..” (с. 469).

Что говорить? Бывали подобные случаи.

Мы знаем эпизоды незаконной экспроприации собственности и в частях Красной армии, но как к ним относились коммунисты?

Сцена разоружения за мародёрство явлена в книге С. Орловского “Дневник конармейца”:

“... Затем раздалась команда: “Клади оружие!” Это была жуткая минута. Казалось, вот-вот дивизия дрогнет и не выполнит команды. Однако части повинувались. Комсостав и бойцы плакали навзрыд, отдавая оружие и знамёна. После этого дивизии было предложено выдать активных участников в бандитских действиях. Полки выдали 107 человек. Однако около 300 человек, догадавшись, в чём тут дело, не построились вместе с дивизией и ушли в лес. Расформированные полки называются теперь маршевыми полками. В первую маршевую бригаду командиром назначен т. Губанов, во 2-ю – т. Колесов. Из скрывавшихся людей поймано около 60 человек. Срочно в полном составе в полевой штаб прибыл трибунал, которому дано задание немедленно рассмотреть дела арестованных в связи с бандитизмом”.

Да и в романе Н. Островского “Как закалялась сталь”, которого вскользь упоминает у себя Яковенко, в восьмой главе писатель приводит рассказ красноармейца Андрощука о том, как конный разъезд бывших махновцев, приставших к конармии, во время наступления захватил костёл и там трое солдат хотели изнасиловать жену польского офицера.

И вот тут Островский очень верно, может быть, именно глазами очевидца подметил, как в пылу жестокой борьбы одно беззаконие рождало другое не только из-за нехватки времени одуматься, но и по принципиальным соображениям. В момент насилия над женщиной в костёл врывается рота латышских красноармейцев. Далее следует:

“Латыш, как это всё увидел, да по-своему что-то крикнул. Схватили тех троих и на двор волоком. Нас, русских, двое только было, а все остальные латыши. Фамилия командира Бредис. Хоть я по-ихнему не понимаю, но вижу, дело ясное, в расход пустят. Крепкий народ эти латыши, кремниевой породы. Приволокли они тех к конюшне каменной. Амба, думаю, шлёпнут обязательно. А один из тех, что попался, здоровый такой парнища, морда кирпича просит, не даётся, барахтается. Загинаят до седьмого поколения. Из-за бабы, говорит, к стенке ставить! Другие тоже пощады просят.

Меня от этого всего в мороз ударило. Подбегаю я к Бредису и говорю: “Товарищ комроты, пушай их трибунал судит. Зачем тебе в их крови руки марасть? В городе бой не закончился, а мы тут с этими рассчитываемся”. Он до меня как обернётся, так я пожалел за свои слова. Глаза у него, как у тигра.

Маузер мне в зубы. Семь лет воюю, а нехорошо вышло, оробел. Вижу, убьёт без рассуждения. Крикнул он на меня по-русски. Его чуть разберётся: “Кровью знамя крашено, а эти – позор всей армии. Бандит смертью платит”.

И расстрел состоялся”.

Вот ведь как поступали настоящие коммунисты в то время! И упрямая статистика утверждает, что каждый пятый белорус был во время Второй мировой войны в партизанском отряде, около тысячи партизанских отрядов действовали в лесах Белоруссии, что было возможно только при массовой добровольной поддержке населения. Не знать этого Яковенко не мог, но в его книге всё отражено, как в кривом зеркале.

Появление немцев в Мотоле писатель преподносит как освобождение от гнёта русских, несмотря на тысячи расстрелянных евреев и коммунистов, сотни карательных операций и сожжённые дотла сёла. Ведь делалось это, по его мнению, во имя борьбы с проклятыми коммунистами, а значит, делалось правильно.

Борис Романович, бывший коммунист, призывается в польскую армию в самом начале войны и вскоре попадает в немецкий плен, переезжает в Германию, где его сознание полностью перерождается, и только через два года, когда ещё идёт война, он возвращается в оккупированный немцами родной Мотоль и выступает перед собравшимися в церкви жителями.

– Люди добрые, – эти слова Борис вложил едва ли не каждому в душу, – за два года, что я отсутствовал, на нашей родной и когда-то вольной земле произошло столько событий! Два года день в день вытягивали из кого-то душу. И теперь это продолжается. Тут столько мучеников. Где братья Райкевичи?.. Я уже не говорю о других. Пошла полоса гражданской разобщённости, вражды, когда люди утратили заботу друг о друге, перестали думать про духовное братство, культуру и даже хозяйство. Теряем себя! Теряем национальное и человеческое достоинство. Коммунисты в своё время не дали свободы белорусскому народу, образовавшему Белорусскую Народную Республику. В противовес той они создали БССР, дали народу на короткий срок свободно вздохнуть и опять его придушили. Уничтожили почти всю белорусскую интеллигенцию, учёных, зажиточных крестьян, сожгли на кострах книги. Наконец, присоединили к БССР и наши западные земли, отдали их на разор энкавэдистам.

В установившейся тишине невысокий голос Бориса звучал на полную силу. Люди жадно ловили каждое его слово.

– Навещая в Кёнигсберге и Берлине национальных белорусских деятелей, читая некоторые материалы в библиотеках, я понял, насколько ошибочным было в своё время моё восхищение коммунистическими идеями. Многие были обмануты. От нас пряталось даже то, что государственный переворот в России Ленин и Троцкий делали как агенты германского генерального штаба с целью подорвать Россию изнутри. Ту услугу щедро оплачивала казна кайзера Вильгельма. А что дали, что принесли большевики народам России? Вы уже знаете”.

Тут стоит привести краткую историческую справку. О том, что советская власть дала Белоруссии в первые советские пятилетки, сказать стоит.

“2–4 февраля 1919 г. I Всебелорусский съезд Советов принял Декларацию о провозглашении Белоруссии Советской Социалистической Республикой и Конституцию БССР. На съезде было подчёркнуто, что Белоруссия признаёт необходимость установления тесных экономических и политических отношений с Советской Россией. В середине 1920-х в БССР активно проводилась белорусизация – комплекс мер по расширению сферы применения белорусского языка и развитию белорусской культуры.

В 1920–1930-е гг. в Советской Белоруссии активно шли процессы индустриализации, сформировались новые отрасли промышленности и сельского хозяйства.

К началу индустриализации в БССР проживало 3,4% населения и производилось всего 1,6% промышленной продукции СССР. Развивались преимущественно лёгкая, пищевая, деревообрабатывающая и химическая промышленность, а начиная со второй пятилетки – машиностроение и производство строительных материалов. Значительное внимание уделялось такой трудоёмкой отрасли, как текстильная, поскольку её развитие позволяло быстро решить проблему безработицы и аграрного перенаселения. Во время первых двух пятилеток были открыты Гомельский завод сельскохозяйственного

машиностроения “Гомсельмаш”, швейная фабрика “Знамя индустриализации” и фабрика КИМ в Витебске, Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный завод, Могилёвский авторемонтный завод, Гомельский стеклянный завод, две очереди БелГРЭС. Было построено 11 крупных торфозаводов. За три пятилетки промышленное производство в БССР выросло в 23 раза (в 8,1 раза с учётом Западной Белоруссии). Перед началом Второй мировой войны БССР производила 33% общесоюзного производства фанеры, 27% спишек и 10% металлорежущих станков.

Политика развития хуторов 1920-х годов сменилась активной коллективизацией 1930-х”.

И об этом на самом деле знали белорусы, но не знает почему-то или не хочет знать нынешний белорусский писатель Яковенко, как не знает он и историю Великой Отечественной войны, которую трактует по-своему:

“Чего Гитлер не знал – у Сталина в начале войны танков было в несколько раз больше, чем в его империи. Причём тут были танки, которые превосходили танки Вермахта по броне и скорости, а также по огневой силе орудий и пулемётов. Правду говорил своим землякам капитан запаса Сергей Калинин: на вооружении Красной армии были и лёгкие, и плавающие наступательные танки, которых немец не имел. Вообще этой сталинской войсковой силы и мощи хватило бы на всю Европу. И потому товарищ Сталин счёл бы любого, посмеявшего напасть на СССР, круглым дураком. Он не верил, что Гитлер это сделает, поскольку не относил Гитлера к отчаянным авантюристам.

После первого, как казалось, этапа блицкрига гитлеровцам пришлось менять моторы у большинства танков. Эта проблема стала очевидной уже за Витебском и Смоленском. Ремонта требовала вся наземная техника. Армии ждали подвоза топлива. А с новыми моторами и топливом у фюрера пока была невыкрутка, Вермахт насилу собрал ресурсы для стратегического мешка, в который втолкнул войска Сталина, сгруппировавшиеся под Киевом. Поэтому, несмотря на блестяще и дерзко, просто ошеломляюще проведённые операции в Беларуси и на Украине, где были разгромлены и взяты в плен свыше трёх миллионов солдат и офицеров с генералами вместе, – молниеносная война приоткрыла свой бег. Очевидно, генералы Вермахта, стараясь опередить Сталина в нанесении удара, не всё предусмотрели, да и времени на это не имели” (с. 314).

Отсюда выходит, что гитлеровские генералы просто поспешили с началом войны против Советского Союза, боясь, что Сталин первым нанесёт удар. Эту идею иначе, как бредовой, назвать трудно.

Наш современник, белорус, ветеран Великой Отечественной М. И. Цейтлин рассказал “корреспонденту “Комсомольской правды” (8 мая 2015) о том, как он встретил в Минске начало войны: “Мы с товарищами готовились к параду физкультурников. Я был участником всех парадов. Жил в студенческом бараке. 22 июня мы должны были встать в 7 утра, потому что в 8 начиналась репетиция. А тут часов в 5 утра нас разбудил воздушный бой над Минском. Мы выбежали на балкон и видели, как два “мессера” атаковали наш самолёт и сбили его. После мы шли на всебелорусский стадион на репетицию. А на встречу нам ехали машины с солдатами. Спрашиваем: “Куда вы?” Отвечают: “Война идёт!”... К началу лета 1941 года в Минске уж каждый житель знал, что немцы вот-вот нападут. И все про то говорили. Я помню, что, начиная с 14 июня, в Минске была светомаскировка по ночам. И европейские газеты в тот период писали, что немцы сконцентрировали огромные силы вдоль советской границы, Гитлер готовит нападение на СССР. В ответ на это газета “Правда” 15 июня опубликовала опровержение ТАСС, что никакой войны не будет. Что всё это ложные слухи. А в то же время по Минску шли и шли на запад колонны наших бойцов и техника. Передвигались они только по ночам, маскируясь. И всем было ясно, думаю, как и Сталину, что война начнётся со дня на день”.

... В книге Яковенко имена и фамилии сыплются, как из рога изобилия. Есть среди них и русские. Например, бывший танкист капитан Калининченко. И, конечно, он тоже плохо отзывался о советском командовании.

В самом начале войны капитан Калининченко попадает в окружение и в лесу встречается с сыном Сталина Яковом Джугашвили. Об этой встрече он рассказывает Петру Романовичу так: “В минуты откровения он рассказал мне про свою жизнь и непростые отношения с отцом и партией, поверьте, даже с ней...”

Яков выражал своё несогласие с тем, что делалось, говорил, что стесняется смотреть своему отцу в глаза. Вот тогда я и стал припоминать услышанное и увиденное здесь, в Мотоле, и в душе моей что-то восстало, потом улеглось, но я начал воспринимать Джугашвили как вестника. Слышу душой: в государстве либо фундамент неудачно заложен, либо дьявол путает наши политические карты. Представьте, как Якову, который много видел, знал, имел критический взгляд на вещи, было неуютно жить в Кремле. . .

Значительная часть армии между Витебском и Лёзно полегла. Комбат Джугашвили был вместе со мною. Мы блуждали по лесу день, второй, не зная, что делать и куда податься. Немецкие автоматчики окружили группу. Я случайно оказался в стороне. А Джугашвили и всех остальных, полагаю, погнали в плен” (с. 350-351).

Рассказ капитана Калиниченко – сплошная выдумка автора. Ни одного свидетеля того, как Яков Джугашвили попал в плен, нет. Предположительно, он был выкраден, благодаря предательству кого-то из рядом находящихся солдат и офицеров, ибо вся батарея, которой командовал Яков Джугашвили, и взвод охраны вышли из окружения в полном составе, кроме самого Якова. Предположительно, немцы знали о том, что батареей командует сын Сталина, и специально охотились за ним.

Немало страниц в книге посвящено немецкому гаулейтеру Кубе, назначенному генеральным комиссаром Белоруссии в июле 1941 года. Немецкий руководитель, расстрелявший без суда и следствия в 1936 году не подчинившихся ему солдат и офицеров, за что был снят с должности, но потом призван Гитлером вновь на высокий пост, человек, приход которого в Белоруссию ознаменовался массовыми расстрелами, описывается в книге как весьма положительный герой, талантливый литератор, противник СС, которые с ним не считались и продолжали расстреливать евреев якобы вопреки его воле.

Василий Яковенко беседовал в послевоенное время с женой убитого партизанами Кубе и, видимо, с её слов описал доброго привлекательного гаулейтера, который лишь выполнял указания рейха вопреки своим человеческим наклонностям. На фоне этого образа все коммунисты, партизаны и вообще русские выглядят просто извергами.

Петра Романовича сосед Малышка предупреждает о готовящемся его убийстве Богданом Плонгером, о котором ему сказал односельчанин Калилец. Но “в своём домашнем кругу он держал в секрете предупреждение Калильца, только уже у дверей добавил: – Теперь все мы в заложниках у Иуды.

– Как и до войны, – бросил Павлюк спокойно, в тон отцу.

– Не приведи, Господи, терпеть столько страданий! – Аксинья замешивала в ушате на тёплой воде с молоком пойло для теленка. – Наступит ли когда-нибудь для нас светлый час?!

– Говорят, Ленин ради коммунизма готов был уничтожить более чем половину населения России.

– Что ты говоришь? – перелив пойло в ведро, Аксинья выпрямила спину. – Оттуда, сынок, и потекли реки крови! В отчаянье и с голоду, устроенного большевиками, люди ели друг друга. Ты малый был. . . Представляешь, как надо озвереть, чтобы, привязав девушку к дереву, срезать с неё кусками мясо, жарить на огне и жрать. У-ух! – её передёрнуло. – После этого страха мы и поспешили сюда, на Родину.

– И тут нашли всё, кроме того, что надо, – весело бросил сын.

– Поди, большевики окаянные нас и тут достали. . .” (с. 471)

Партизаны, по мысли автора, должны выглядеть извергами. И автор рисует страшную картину их расправы над мирными людьми, преподнося читателю её в качестве истины в последней инстанции.

“Жители местечка Мотоль были потрясены новым страшным известием – убийством таких добропорядочных и уважаемых людей, какими были Писарчуки – Петро и Павлюк, их свояки – Павел и Николай Миховичи.

Мало того, так в другую ночь партизаны убили ещё и Семёна Шкутача, жившего на Луке, на Кузюровой улице. И его – невесть за что. В памяти людской всплывали и другие жертвы партизанского произвола, в том числе семья капитана Калиниченко. А из деревень Закалье, Воротыцк и Аперово доходили слухи и того мудрее. Там от рук партизан горели дома и сельские усадьбы вместе с семьями, стариками и детьми. Все ужасались, не видя разницы между озверевшими от неудач гитлеровцами и местными “борцами за народную волю,

долю и справедливость”. Люди ощущали явную связь того, что вершилось, с красным террором. А впрочем, террор вершился при разных носителях власти и силы, в разных условиях и обстоятельствах уже около пяти лет; конечно, если не считать пилсудчиков, от которых также не было житья” (с. 483).

То, что во время войны в партизанском движении принимало участие двенадцать тысяч жителей Белоруссии, объединённых в тысячу двести пятьдесят пять отрядов, то, что ими было взорвано более трёхсот тысяч железнодорожных путей, что прерывало немецкие поставки вооружения на Восточный фронт, и что они пустили под откос свыше одиннадцати тысяч фашистских эшелонов с живой силой и боевой техникой – всё это в книге Яковенко места не нашло, как и то, что с первых дней войны немцы проводили массовые чистки: убивали коммунистов, комсомольцев, активистов советской власти, представителей интеллигенции, с особой жестокостью уничтожалась “расово вредная” часть населения: евреи, цыгане, физически и психически больные; на территории Белоруссии фашистами было создано двести шестьдесят концентрационных лагерей смерти, их филиалов и отделений; за всё время немецкой оккупации было уничтожено шестьсот двадцать восемь населённых пунктов вместе с жителями, более пяти тысяч населённых пунктов уничтожены с частью жителей. Эти стороны войны в романе, претендующем на жанр эпоса, не описаны вообще.

Но война, наконец, подходит к своему финалу. Борис Романович после участия в работе Второго Всебелорусского Конгресса в Минске приезжает к себе в родной Мотоль и встречается там со старым знакомым, паном Клямкой, говорит тому о приближении Красной армии, о предстоящем полном разгроме фашистской Германии и добавляет при этом:

“Боитесь, пан Клямка?.. Мне припоминается вот что. В свои молодые годы я был коммунистом и жил прекрасными мыслями – о возможной лучезарной будущности. Я ждал её... Я попал в плен и за несколько лет проникся уважением к немцам. Я поверил им, когда они декларировали освобождение моей Батьковщины от большевиков. А потом и в них разочаровался и понял, наконец: общество, которое было в моих мечтах, не построишь ни с большевиками, ни с фашистами – никогда и нигде! Ведь и те, и другие – разрушители, злодеи, захватчики, у них руки по локоть в крови” (с. 555).

Так герой романа ставит на одну доску фашистов и большевиков, и теперь он начинает бороться за независимость Белоруссии от любых государств, но переезжает для этого жить в Америку и там входит в белорусскую диаспору. Туда переезжает впоследствии из Польши и его дочь Мария, успевшая к этому времени стать неплохим врачом.

Собственно, описание дальнейшей жизни Белоруссии даётся автором схематично, так как почти все герои выехали за её пределы. Но и тут та же тенденция недовольства. Как говорит один из персонажей, “колхозный хлеб – как обобществлённая жена. Вкуса не почувствуешь”.

“Мотоль не сразу подался в коллективизацию. Вначале записались в мелкие сельскохозяйственные артели около полусотни дворов. Были сомнения, шатания и откровенное сопротивление. Горели скирды сухого сена, поставленные скопом рядом с сельским Советом, горели свирны (амбары) с новым хлебом, от первых намолотов; терпели и гибли активисты. Откровенное и показательное, упрямое и нещадное вредительство было делом рук “бульбашей”, среди которых, как ни удивительно, встречались и сподвижники Плунгера по партизанскому отряду, – видите ли, им по душе пришлась партизанщина, и применяют они её в борьбе с новым нашествием, которое не заставило себя долго ждать с востока. Мотивы у этих людей были соответствующие, так как на советском политическом поле опять начиналась “прополка”, и те, кто её выполнял, повсеместно искали “врагов народа” – их было не счесть среди бывших военнопленных, а также сельских старост, учителей, других специалистов, которые при немцах работой своей зарабатывали на кусок хлеба. На деле подрубались корни наиболее способных мужиков либо целых семей. Управлять же крестьянской громадой ставили людей, которые даже не нюхали пашни.

Всё это стимулировало страх, вызывало недовольство советскими органами, вело в лес, в новые партизанские группы и формирования. Они были разной национальной и идейной ориентации. Их количество в Западной Белорусии приближалось к пятидесяти тысячам человек. На вооружении были пулемёты, противотанковые орудия, миномёты, мины, не говоря уже об автоматах и винтовках. Для руководства антисоветским сопротивлением из-за

границы в Беларусь засылали подготовленных людей, в числе которых был и Всеволод Родька, смельчак, рисковый, беззаветно преданный идее обречения воли и счастья для своего народа.

Родьку на Полесье постигла неудача. Тогда же, в первые послевоенные годы, его и выловили (с. 623–624).

Ну, то, что сотрудничавшие с СС белорусы, боясь справедливого суда, сбежали в лес, организовывая банды, орудовавшие некоторое время, наводя страх на местных жителей, это известно. И то, что им помогали всячески из-за рубежа, как пишет и сам автор, это тоже не секрет. Но, в конце концов, с бандитизмом как в Белоруссии, так и на Украине было покончено. Люди зажили спокойно. Только не в книге Яковенко.

Заканчивая трилогию, писатель не обошёл вниманием и нынешнее время. Правда, он не называет имени президента Белоруссии, но вполне понятно, о ком идёт речь, когда американский белорус Кит беседует со своим соотечественником, учёным Вещуном, в американском ресторане и слышит от него:

“Если проследить за высказываниями нашего единственного в стране политика и заботливого отца, то он сам же обо всём и рассказывает, искренне, правдиво, правильно. Вот послушайте: “Это бесперспективно – пытаться лишить меня власти силой или такими методами, какие были применены к Миловичу... Меня никто никогда не тронет, если меня не предаст российское руководство” (с. 705).

Затем разговор двух белорусов продолжился, имея в виду уже правителя Белоруссии в наши дни:

– Это у тебя, братка, крепкая мысль!

– Было и другое. Ведь если рот зажат, управлять народом, его сознанием, манипулировать склонностями не так и сложно – верно?.. Да, но поверим в благородные устремления тщеславного человека, шкловского радетеля, возжелавшего сильной власти ради сохранения страны. В том бедламе на постсоветском пространстве, да и в Европе, он действительно сделал нечто довольно значительное, если не сказать – великое: не допустил развала промышленности, растаскивания государственных ценностей...

– Я прошу прощения. Но за что же тогда его не любит оппозиция?

– Как известно, в России разные там абрамовичы, ходорковские, дерипаски, пользуясь моментом и обогащаясь, скупили и приватизировали целые отрасли народного хозяйства. А наш, не будь дураком, приватизировал власть, сделал её своей собственностью. Вопрос: кто из новоявленных собственников лучше? Не скажешь... Закупил парламент, причём сделал это за государственные средства. Упразднил действие законов, поставив выше их президентский указ. Заставил генералов козырять его малолетнему сыну... В Думе в Москве у него хватило ума, чтобы заявить: “Мы согласны на присоединение к России на любых условиях!” Имел ли он полномочия или хоть бы элементарное моральное право на подобное заявление? Нет! Ну, и как после этого ему льготный газ не давать? Ломающий принципы, готовый опять залезть под общее одеяло.

– И нас загнать!

– Но при этом, заметьте, – продолжал Вещун, – никаких шатаний в мыслях у народа не должно быть. Он властелин наших дум! Политические деятели, как Гончар, Захаренко, Карпенко, вообще исчезли. Некоторые бесследно. С конкурентами у него теперь – никаких забот. И как хорошо дышится! Один на ледовом поле! Ему аплодируют... Как-то признался нечистик, что он теперь выше Бога!

– Бог шельму метит.

– Академию свёл до уровня колхоза!.. Хозяин в доме! Повыталкивал вон немало людей, особенно молодёжи. Самые умные уехали на Запад, менее умные – в Россию, ещё менее умные остались на месте и, состоя на государственной службе, показывают ему фигу” (с. 705–707).

– Почитай, два десятилетия пропагандируется идея всесильной власти. Патриотизм заменён рублем, высоким креслом. Итог: у короля есть слуги, но нет команды с царём в голове, он теперь в панике и поливает бранью всех, налево и направо. О, я знаю его челядь и, если бы он вдруг кинулся расстреливать её из пулемёта, то я охотно подавал бы ему патроны. При этом я чистил бы их до блеска, чтобы он выполнял свою работу с особым изыском!” (с. 708).

И уже на прощанье Вещун говорит Киту:

“— Борис Владимирович, я вам по секрету скажу: из белоруса достали душу и повесили её на суку, чтобы дубилась для дальнейшего производства кошельков.

— И это суть политики?

— Суть происходящего. Теплится, однако, надежда, что сама логика жизни и национальной безопасности выведет нашу ледовую фигуру на позиции, выверенные жизнью. Во-вот его нутро отгадет. Тогда по-своему преисполненный чести и достоинства, он встанет на трибуну и перед лицом депутатов, по слов, политиков, политологов провозгласит: “Уважаемые, не обессудьте... Великий русский язык у нас развивается и будет развиваться как язык внешнего общения. Ему ничто не угрожает. А вот если мы разучимся говорить на белорусском языке, потеряем нацию! Родной язык мы должны изучать и ведать. Мы все эти годы слишком осторожно поддерживали его”. И это уже будет как покаяние лидера, оно станет характерным моментом. За словом, возможно, и дело пойдёт, а-а?” (с. 708-709)

Между тем всё та же упрямая статистика говорит, что за годы правления Белоруссией А. Г. Лукашенко, когда страна избрала свой собственный путь развития, вопреки желаниям Запада, намечавшийся после распада СССР развал Белоруссии был остановлен за счёт сугубо собственных сил, в результате чего за семь лет промышленное производство выросло в три с половиной раза, наполовину выросло сельхозпроизводство, уровень безработицы упал ниже одного процента, средние доходы населения выросли в три с лишним раза, зарплата — в пять с половиной раз, пенсии — более чем в пять раз, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума снизилась с сорока восьми процентов до пяти и двух десятых. Это ли не показатели успешного развития государства?

Но ничего этого нет в книге, нет даже намёка. Есть только плевки в сторону любой власти.

Заканчивается роман-трилогия, несмотря ни на что, на оптимистичной ноте. Хоть оба героя — Мария Романович, сменившая уже фамилию на Демкович, внучка расстрелянного Петра Романовича, и Борис Кит — продолжают жить вне Родины, они любят её, занимаются благотворительной помощью соотечественникам и питают надежды на светлое будущее.

Однако у меня эта книга оставила странное ощущение, что автор её, как и герои его произведения, никогда не будут счастливы по-настоящему, пока не научатся видеть не только плохое в жизни, но и хорошее, пока в их надломленном сознании не проснётся чувство доброжелательности к другим нациям и пока их взоры не обратятся к простому белорусскому народу, который живёт своим трудом не ради прибыли панам и помещикам, а ради себя самого и всего белорусского народа.

Литература, для того чтобы стать эпосом, должна отражать жизнь во всём её многообразии, а не напоминать собой жалобы и стенания озверевшего в лютой ненависти к большевикам и советской власти собственника.

М. Е. Салтыков-Щедрин писал: “Везде литература ценится не из-за её гнуснейших образцов, а из-за тех её выдающихся деятелей, которые ведут общество вперёд”. И великий русский писатель Н. А. Некрасов подтверждает эту мысль словами: “Русская литература не должна опускаться до уровня общества в его сомнительных и тёмных проявлениях. В любых обстоятельствах, во что бы то ни стало, но литература не должна ни на шаг отступать от своей главной цели — возвысить общество до идеала — идеала добра, света и истины”.

Вы можете сказать, что здесь речь идёт о русской литературе, а мы рассматриваем книгу белорусского писателя. Но литература — она везде должна быть народной по сути. В. Г. Белинский утверждал: “... только та литература есть истинно народная, которая в то же время есть общечеловеческая; и только та литература есть истинно человеческая, которая в то же время есть и народная. Одно без другого существовать не должно и не может...”